
И. Е. ПРИСЬ

«ФОРМА ЖИЗНИ» КАК «ФОРМА» ЖИЗНИ

Справедливо критикуя теоретический и редукционистский подходы к витгенштейновским «формам жизни», Жослин Бенуа утверждает, что им нельзя дать никакого позитивного определения. Мы согласны, что подход Л. Витгенштейна имеет выраженное дефляционистское измерение, а понятие «форма жизни», так же как и другие его понятия, играет терапевтическую роль. На наш взгляд, однако, эта роль не является у него исключительной. Мы предлагаем минимальное «позитивное» определение формы жизни как понятия, эквивалентного понятию витгенштейновского правила, то есть правила, укорененного в реальности. Мы утверждаем, что витгенштейновский дефляционизм комбинируется с «нормативными» и умеренно «контекстуалистскими» (не метафизическими) натурализмом и реализмом.

Ключевые слова: форма жизни, языковая игра, правило, концепт, редукционизм, фундаментализм, натурализм, реализм, феноменология, дефляционизм.

Reasonably criticizing theoretical and reductionist approaches to Wittgenstein's notion of a form of life, Jocelyn Benoist claims that one cannot give them a positive definition. We agree that Wittgenstein's approach has a strong deflationist dimension and that the notion of a form of life plays a therapeutic role. However, we think, this role is not peculiar. We propose a 'minimal' positive definition of a form of life as an equivalent to the notion of Wittgensteinian rule, that is a rule anchored in reality. We claim that Wittgenstein's deflationism is combined with a normative and moderately contextualist (non-metaphysical) naturalism and realism.

Keywords: form of life, language game, rule, concept, reductionism, fundamentalism, naturalism, realism, phenomenology, deflationism.

Л. Витгенштейн пишет: «То, что следует принять как данное нам, это, можно сказать, *формы жизни*» [Wittgenstein 2001: 192]. Таким образом, «формы жизни» – это *принимаемое*, то, что *следует принять*. И *принимаемое*, то, что *следует принять*, есть *данное*.

По определению (то есть следующее утверждение «аналитическое», или «грамматическое»), именно правила, нормы *принимаются, следует принять*.

«Не так ли: прежде чем признать, что нечто имеет длину 2 метра, следует интуитивно признать, что нечто имеет длину 1 метр?» [Wittgenstein 1993a: 373]. Ответ в том, что, строго говоря, «интуиция» здесь ни при чем. Мы просто принимаем нечто в качестве эталона («правила») длины 1 метр. Соответствующая «форма жизни» есть практика применения этого правила – практика измерения длины.

Мы утверждаем, таким образом, что понятие формы жизни аналитическое, не имеет субстанциального содержания (это «дефляционистская» позиция). В рамках второй философии Витгенштейна оно эквивалентно понятию правила, философской «грамматики», концептуальной системы. За-дать форму жизни – (эквивалентно) задать набор правил. Формы жизни как правила логически «необходимы».

Речь идет не о формальных, абстрактных правилах, а о витгенштейновских, то есть правилах, *укорененных* в опыте, реальности, основанных на парадигматических случаях своих применений, «языковых играх» (далее – ЯИ), действиях. Функция языка «определяется *прежде всего* действием, которое его сопровождает» [Idem 1993b: 396].

Наиболее общими правилами формы жизни являются «осевые предложения».

Как аргументируется в [Прись 2017], «осевое предложение» имеет три аспекта: логический, эпистемический и парадигматический. Будучи правилом, оно имеет логическую достоверность: сомневаться в правиле бессмысленно. В контексте осевого-предложение-правило может превратиться в осевое-предложение-парадигму, сомневаться в истинности которой иррационально, или же в более или менее достоверное обоснованное эмпирическое знание (знание как «языковую игру»), сомневаться в котором нерационально.

«Слово “языковая игра” призвано подчеркнуть, что говорить на языке – часть деятельности, или формы жизни» [Wittgenstein 2001: PI, § 23]. «Примитивная форма языковой игры – достоверность,

а не недостоверность, поскольку недостоверность никогда не могла бы привести к действию» [Wittgenstein 1993b: 397]. Подлинная языковая игра – ЯИ как корректное употребление правила – достоверна по самой своей природе. И разные виды ЯИ имеют разные виды достоверности. Например, о «математической достоверности» Витгенштейн пишет: «Этот вид достоверности есть вид языковой игры».

Mutatis mutandis, сказанное выше об «осевых предложениях» и языковых играх справедливо и для форм жизни. Они «достоверны» и могут менять свой статус.

В любом случае, однако, для Л. Витгенштейна говорить об истине или лжи имеет смысл лишь в рамках формы жизни, которая сама ни истинна, ни ложна. Определение истины дал Аристотель [Метафизика Г 7.27]: «Сказать о том, что есть, что его нет, или о том, чего нет, что оно есть, ложно. Сказать о том, что есть, что оно есть, или о том, чего нет, что его нет, истинно». В духе Витгенштейна мы понимаем его именно как определение, то есть аналитически (и в этом смысле дефляционистски), а не в смысле анализа или формулировки природы понятия истины как соответствия в некотором субстанциальном смысле.

В то же время, как нам кажется, Витгенштейн отвергает известные разновидности чисто лингвистического (в известной мере теоретического) дефляционизма относительно истины. Для А. Тарского, например, предложение «*p*» истинно тогда и только тогда, когда *p*. Для Ф. Рамсея сказать, что «*p*» истинно, равносильно сказать, что *p*. Для А. Айера сказать, что предложение «Шекспир написал “Гамлета”» истинно, не больше, чем утверждать, что Шекспир написал «Гамлета» [Ayer 1935: 28]. Утверждается, что либо концепт истины имеет лишь указанный минимальный смысл, либо в концепте истины вообще нет нужды. На наш взгляд, Витгенштейн не дефляционист в этом смысле, и его позиция ближе к позиции Аристотеля. Для Л. Витгенштейна «*p*» истинно тогда и только тогда, когда *p* корректным образом употребляется в рамках соответствующей языковой игры. Это дефляционизм, комбинированный с неметафизическими реализмом и натурализмом. П. Хорвич [Horwich 2016], напротив, полагает, что антитеоретический дефляционизм Витгенштейна является «полностью дефляционистским»,

то есть еще более дефляционистским, чем другие его разновидности.

У Л. Витгенштейна роль парадигмы для форм жизни играют математические практики.

Арифметика, например, есть конкретная математическая «форма жизни». Арифметический счет предполагает, что бумага, на которой делают вычисления, не исчезает, а чернила не испаряются. Это логические факты, которые принимаются без обоснования, играют формальную роль в рамках практики вычисления. Они связаны с соответствующими эмпирическими фактами.

Вообще любой устоявшийся раздел математики или физики, любая устоявшаяся математическая или физическая «практика» есть «форма жизни».

Установленные математические и физические теории (как формы жизни) были интегрированы в более развитые математические и физические теории. Области их применимости оказались ограниченными, но в своих областях они не перестали быть достоверными. Напротив, геоцентрическая система Птолемея, которая в рамках средневековой формы жизни имела все виды достоверности – логическую, эпистемическую и парадигматическую, – в настоящее время не имеет ни одной.

Как нам кажется, наша интерпретация понятия формы жизни близка к его интерпретации Жослином Бенуа. Относительно первой цитаты выше [Wittgenstein 2001: 192] Бенуа пишет [Benoist 2014]: «Prima facie, предложение можно прочесть как “Формы жизни следует принять, даны”, следовательно, как позитивную характеристику чего-то, что известно как “формы жизни”. Это, однако, не то, на что указывает синтаксис. На самом деле предложение функционирует в обратном направлении. Оно говорит, что если мы хотим, чтобы нечто было принято данным, тогда то, что мы называем “формы жизни”, выполнит эту функцию».

Действие и осмысленная речь есть следование правилам. Мы нуждаемся в правилах. Таковые мы называем «формами жизни».

Эквивалентность понятий правила и формы жизни особенно наглядно проявляется в математике.

«Что должно означать, например, сказать, что мы считаем тем способом, которым мы это делаем, *потому что у нас есть некото-*

рый концепт счета? Будет ли это равносильно тому, чтобы еще раз сказать, что *мы считаем тем способом, которым мы это делаем?* Такой вид тавтологий следует иметь в виду, если мы хотим понять смысл того, что Витгенштейн называет “формами жизни”. “Концепты” <...> выводятся из этих тавтологий, а не наоборот. Мы можем называть их “тавтологиями жизни”. От этого они не будут менее тавтологиями» [Benoist 2014].

«Тавтологии жизни» – это наиболее общие правила той или иной формы жизни. Более конкретные концепты укоренены в формах жизни, «выводятся из тавтологий».

Наряду с выражением «формы жизни» Витгенштейн также употребляет выражение «факты жизни»: «Вместо неанализируемого, специфического, неопределяемого: факт, что мы действуем таким-то и таким-то образом, например, *наказываем* некоторые действия, *устанавливаем* состояния дел таким-то и таким-то образом, *отдаем приказы*, сводим счета, описываем цвета, интересуемся чувствами другого. То, что следует принять, – можно сказать, данное – факты жизни» [Wittgenstein 1990: § 630].

Строго говоря, «факты жизни» – не формы жизни. Последние состоят из первых. Первые суть устоявшиеся, парадигматические ЯИ (которые при необходимости с легкостью превращаются в факты логические), в рамках которых связь между языком и реальностью уже установлена. Язык отсылает именно к тому, к чему он и предназначен отсылать. Это результат естественной эволюции наших ЯИ и форм жизни. Проблема связи между языком и реальностью оказывается надуманной.

Представления о неанализируемом, специфическом, неопределяемом (например, феноменальном опыте) возникают в результате смешения категорий реального и идеального/концептуального. Наказание, определенное состояние дел, определенная вещь, приказ, описание цвета или чувств суть укорененные в реальности употребления языка, «языковые игры». В [Wittgenstein 2001: § 23] Витгенштейн приводит примеры ЯИ. Один из них: «Отдавать приказы или выполнять их». В случае абстрактного подхода к языку и принятия ложной (пред)посылки, что реальность как таковая, сама реальность и, в частности, сам опыт имеют определенное содержание, концептуальное или «неконцептуальное» (концептуализиро-

ванный опыт, однако, имеет содержание), все попытки «полностью» описать или представить это содержание оказываются безрезультатными.

Например, попытки выразить в языке «полное содержание» феноменального опыта как такового при помощи абстрактных концептов приводят к представлениям о существовании непреодолимого «эпистемического провала». Можно говорить о «неанализируемом» феноменальном опыте лишь в том смысле, что нет смысла говорить об анализе его содержания, а не в том, что якобы имеется некоторая непреодолимая проблема познания. Опыт сам по себе относится к категории реального. У него нет содержания. Содержание имеет опыт, выражаемый в языке, то есть опыт, уже находящийся в неразделимом союзе с ним. Это не означает, что речь идет о познании лишь некоторой «корреляции» между языком и опытом (реальностью), а не самого опыта (реальности).

Эпистемологическая проблема «доступа» к реальности имеет ту же природу.

В рамках корректного применения языка (концептов, «точки зрения», «перспективы» и так далее), то есть ЯИ, дана сама реальная вещь, а не ее эрзац, в частности, сам феноменальный опыт «из плоти и крови». Другое дело, что в рамках разных точек зрения она дается по-разному. Но по-другому и быть не может. Всякое *данное* предполагает наличие той или иной точки зрения. В противном случае оно было бы не данным, а просто частью реальности [Veinistö 2010; 2011; 2013; 2014; 2016a; 2016b; 2017]. (См. также ниже о *данности* ЯИ и явлений.)

Сама (подлинная) форма жизни «дана» в смысле данности соответствующего «правила», в смысле данного набора подобных (подлинных) ЯИ.

Правила, однако, не даны в том смысле, в котором даны явления, вещи, ЯИ (см. ниже). Они могут быть имплицитными¹ либо частично или (почти) полностью эксплицитными (полностью эксплицитные правила были бы правилами абстрактными, формальными, оторванными от реальности). Но они *не являют себя*, и в

¹ «Виртуозы вычислений приходят к правильному результату, но не могут сказать, каким образом. Надо ли говорить, что они не вычисляют? (Семейство случаев)» [Wittgenstein 2001: § 236].

этом смысле они не даны. Подлинными правилами «даны» лишь в том смысле, что в рамках той или иной формы жизни они есть «зов» самой реальности, реальны, «естественны», могут быть сделаны более или менее эксплицитными в том или ином контексте. ««Линия подсказывает мне, каким путем я должен идти». Это всего лишь парафраз того, что она моя последняя инстанция, определяющая путь, каким я должен идти» [Wittgenstein 2001: § 230]. Линия дана как правило.

Вообще говоря и в конечном итоге нет правила для применения правила, нет другого данного. Корректное следование правилу не интуитивное и не эмпирическое. Оно «инстинктивное», «спонтанное», «естественное» (мы полагаем, что термины акцентируют внимание на разных аспектах одного и того же понятия следования правилу: реалистическом, нормативном, натуралистическом).

Поэтому и всякое обоснование (применения эксплицитного правила), и всякое объяснение (как экспликация имплицитного правила²), согласно Л. Витгенштейну, рано или поздно подходит к концу. Необходимо понять, как обойтись без обоснования или объяснения или как поступать в том случае, когда уже не имеет смысла их искать. Терапевтический метод на это и нацелен. Он не объясняет то, что есть, при помощи чего-то другого, а проясняет его при помощи и исходя из него самого и связанных с ним понятий.

Формы жизни не имеют обоснования (объяснения). Обосновывать их не имеет смысла, так как они предполагаются. Логический факт состоит в том, что на некотором этапе мы прекращаем искать обоснование. И то, что при этом принимается без обоснования, тоже есть факт логический, правило.

Например, Витгенштейн не объясняет, почему математики не спорят, а лишь констатирует, что они не спорят. Если бы у математиков не было общей «формы жизни», общих правил, подразумевающих общие результаты, заключения, не было бы математики.

У Витгенштейна понятия формы жизни и «языковой игры» зачастую употребляются как синонимы [Королькова 2009; Марков 2000].

² Такое понятие объяснения совпадает с понятием описания, которое есть экспликация правила, описание «логических фактов» (вспомним, что Витгенштейн призывает отказаться от поиска «объяснений», заменить их «описаниями»).

ЯИ – это смесь лингвистических (концептуальных) и материальных (природных) элементов, *употребление* правила (концепта), *действие*, которое может быть корректным или нет.

Слово (правило, концепт) не имеет смысла, если его применения (действия) неизвестны: в этом смысле оно *есть* действие. И наоборот: действие есть применение правила, слова (даже если слово и не произнесено). Поэтому, как пишет Бенуа, сказать: «В начале было Слово» (Евангелие от Иоанна) – это сказать: «В начале было действие (нем. Tat)» (Гете) [Benoist 2016b].

Корректная, или «успешная», ЯИ имеет рациональное (логическое) обоснование *post factum*. Корректная *описательная* ЯИ в известном смысле «соответствует» реальности. Некорректная ЯИ в известном смысле является иллюзорной.

Таким образом, так же как и *явление (феномен)*, (описательная) ЯИ подразумевает применение концепта и различие между видимостью и реальностью. Она есть *данное*, подлинное или иллюзорное, в том же самом смысле, в котором можно говорить о данном явлении (феномене) [Benoist 2016a]. В рамках (описательной) ЯИ (явления) дана сама вещь, реальная или предполагаемая.

В отличие от данности правил, «форм жизни», данность ЯИ имеет буквальный смысл.

Проиллюстрируем понятие «явление» на примере Б. Рассела (пример также рассматривается в [Benoist 2016b]).

Согласно Расселу [Russell 1935–1936], нам, например, дана лишь видимость кота, а не сам кот. За видимостью может скрываться кот, но видимость может быть и иллюзией.

Это понятие данного можно интерпретировать как применение концепта (слова) «кот», которое может быть корректным, в частности истинным, или нет.

Но не такова точка зрения Б. Рассела. Рассел вводит понятие неэмпирической интуиции, которая позволяет применить слово «кот» к эмпирическим данным, *sense-given*, не прибегая к памяти или ассоциации. Он полагает, что именно благодаря этой интуиции мы знаем, каким образом употребить слово. Для Рассела мы имеем «частное» до-лингвистическое знание эмпирического данного. Употребление языка делает его «публичным».

Как отмечает Ж. Бенуа [Benoist 2016b], платонизм Б. Рассела есть оборотная сторона эмпиризма. Точка зрения Л. Витгенштейна в том, что мы не нуждаемся в специфической неэмпирической интуиции и при этом можем обойтись без эмпирической редукции. Применение слова (концепта) есть то, что мы просто *делаем*.

В рамках формы жизни связь между языком и опытом, реальностью уже установлена. Витгенштейновские «формы жизни», говоря словами Бенуа, есть способы жизни «со словами», с языком. «Обратить внимание на “формы жизни” не означает сделать акцент на жизни без слов, или на жизни, противопоставленной словам. Это означает сделать акцент на жизни со словами» [Ibid.].

Позицию Витгенштейна мы относим к фундаментальному уровню (но это не фундаментализм). Быть может, однако, позицию Рассела можно интерпретировать в том смысле, что понятие *sense-given* есть концептуализированный опыт, то есть *явление* в смысле (корректного или некорректного) применения концепта. Тогда неэмпирической интуиции соответствовала бы экспликация концепта/правила, его рефлексивное осознание.

Отметим, что для Рассела знание есть более узкое понятие, чем то, что дано в смысле *sense-given*. Это частный случай *данного*. Бенуа пишет, что для Рассела «дано» гораздо больше, чем то, что *известно*. Знание выглядит как отбор из того, что дано. Знать – это прежде всего заметить некоторый аспект данного [Ibid.].

Не все, что дано, известно. В нашей интерпретации – не все применения концепта, даже истинные, суть знание. Лишь корректное, то есть обосновываемое, а не просто истинное, применение концепта, предполагающее закрытие «провала» между языком и реальностью, контакт с реальностью, суть знание. Корректное применение концепта может быть выражено в виде (корректного) суждения.

ЯИ предполагает правило, а правило – совокупность своих устоявшихся применений, «согласия». Устоявшиеся применения – это применения, с которыми *все* согласны, которые, *как правило*, истинны.

«Слово “согласие” (“*übereinstimmung*”) и слово “правило” (“*Regel*”) родственны друг другу, они двоюродные братья. Обучая кого-

нибудь употреблять одно из этих слов, я тем самым учу его и употреблению другого» [Wittgenstein 2001: § 224].

Например, то, что «люди, как правило, единодушны в своих суждениях о цвете», есть факт. Но это «логический факт». Отсутствие единодушия означало бы отсутствие (во всяком случае общих) правил, концептов, а следовательно, и смысла, то есть смысла в их употреблении.

Поэтому ЯИ не может существовать в одиночестве. Само ее существование означает существование целого набора образующих «форму жизни» подобных ЯИ («природа» ЯИ и форм жизни одна и та же), которые суть применения *одного и того же* правила (концепта). И в этом смысле все они *одно и то же*. «Употребление слова “правило” переплетено с употреблением слов “то же самое”. (Как употребление слова “предложение” с употреблением слова “истинный”)» [Ibid.: § 225]. Наличие общего (в общем случае имплицитного) правила есть *семейное сходство*.

Высказывание («предложение»), в частности, высказывание «... есть (то же самое, что) ...», либо истинно, либо ложно. Понятие высказывания имеет смысл (об истинности или ложности можно говорить) лишь в рамках формы жизни. Поэтому разным формам жизни соответствуют разные высказывания, даже если на уровне формальной грамматики высказывания совпадают. Истины этих высказываний есть разные по смыслу истины, а не разные истины одного и того же высказывания. Витгенштейновский плюрализм ЯИ и форм жизни есть умеренный контекстуализм, а не релятивизм: смысл концепта зависит от выбора формы жизни, а смыслупотребление фиксированного концепта, то есть смысл ЯИ, зависит от выбора контекста в рамках фиксированной формы жизни.

Следующий пример [Ibid.: § 226], как нам кажется, иллюстрирует как понятие семейного сходства между ЯИ, так и зависимость от (более общего – в данном случае индексикального) контекста самого правила.

«Предположим, кто-то записывает ряд 1, 3, 5, 7, ... по формуле $2x + 1$. И он задает себе вопрос: “А делаю ли я всякий раз одно и то же или каждый раз нечто иное?” Если кто-то со дня на день обещает другому: “Завтра я навещу тебя”, говорит ли он каждый день одно и то же или же каждый день что-то другое?»

Форма жизни, будучи правилом, «формой», есть, таким образом, набор ЯИ, связанных между собой семейным сходством. ЯИ в ее рамках, будучи устоявшимися, даны в смысле механическом, в смысле простого присутствия. Они слишком близки, чтобы быть видимыми. Им могут, однако, быть возвращены их изначальные «спонтанность» и «естественность» (термины Витгенштейна), их подлинность, непредсказуемость, неповторимость. Их можно снова увидеть.

Новорожденные ЯИ естественны (природное/материальное измерение) и спонтанны (нормативное измерение). Они суть непредсказуемое и непредетерминированное расширение данной формы жизни в соответствии с семейным сходством. «Мне представляется, будто во фрагменте ряда я воспринимаю какой-то очень тонкий рисунок, некое характерное движение, к которому для достижения бесконечности нужно добавить лишь “и т. д.”» [Wittgenstein 2001: § 229]. Воспринимаемый «тонкий рисунок» и есть семейное сходство.

ЯИ и формы жизни «историчны»: они меняются, эволюционируют. Переход от одной формы жизни к другой является более радикальным, чем переход от одной ЯИ к другой, есть изменение самого правила, парадигмы. Этот переход может подчиняться более общему правилу. В этом случае, можно сказать, между различными формами жизни имеется семейное сходство, условно говоря, «второго порядка». В общем случае семейное сходство может быть более или менее удаленным, имеет степени³.

«Историчность» форм жизни и ЯИ предполагает, что логическое (концептуальное) может превратиться в фактическое, эмпирическое и наоборот. С одной точки зрения, «формы жизни» имеют формальное измерение, логический статус: они суть «формы», концепты, правила. С другой стороны, они имеют материальное измерение: они суть «парадигмы», факты. «Осевые предложения» формы жизни, как сказано выше, могут играть логическую, парадигматическую и эмпирическую роли. (Поэтому ни [чисто] рацио-

³ Для Витгенштейна семейное сходство имеется и между *всеми* ЯИ. На наш взгляд, общим у всех ЯИ является то, что все они подчиняются правилу. Позиция Л. Витгенштейна не метафизический реализм и не (метафизический) номинализм.

налистическое, концептуалистское, ни [чисто] натуралистическое, материалистическое ее прочтения непригодны.)

Ж. Бенуа [Benoist 2014] справедливо пишет, что неизменная путеводная нить Л. Витгенштейна – различие между логическим и фактическим. Нечто не может *в то же самое время, с той же самой точки зрения* функционировать как форма и факт. Конечно, это не препятствует тому, чтобы то, что мы принимаем за форму, с другой точки зрения было фактом. Это все, что можно сказать об истории «форм жизни».

Итак, при определенном взгляде на формы жизни и их «осевые», то есть грамматические, предложения они перестают быть формами, правилами и могут быть оцениваемыми, корректными или нет. При нормальных обстоятельствах осевое предложение «Это рука» функционирует как правило. Но в некоторых контекстах оно может иметь эпистемический смысл, быть истинным или ложным. Геоцентрическая «форма жизни» и ее правила в настоящее время рассматриваются как ложные. В конечном итоге мы отдаем предпочтение одним формам жизни по сравнению с другими. Позиция Витгенштейна – не консерватизм «форм жизни».

Из сказанного выше также ясно, что к «формам жизни» относятся лишь «социальные» в широком смысле (то есть языковые и, в частности, когнитивные) формы жизни, включающие в себя действия, достижения, употребление языка, концептов. Говоря по-другому, формы жизни суть «практики», а не природная или социальная реальность как таковая (или часть ее). Реальность как таковая относится к другой категории. По определению она не имеет концептуального измерения. Не имеет смысла говорить, что у нее есть смысл или что она его лишена.

Можно говорить о биологических или чисто материальных «формах жизни», но лишь в плане когнитивном, подразумевающим наличие познающего их и применяющего к ним язык, правила, концепты субъекта.

В случае биологических форм жизни или языковых игр роль правил играют, например, «собственные функции» в смысле Рут Милликан [Millikan 1989]. В случае материальных форм жизни или языковых игр – «законы природы».

Например, само по себе движение планет Солнечной системы есть просто часть реальности. Напротив, их движение, описываемое законом всемирного тяготения Ньютона, есть «форма жизни». То есть закон всемирного тяготения в своей математической и вербальной формулировке не содержится в материальном движении планет, а относится к выработанной из него когнитивной «форме жизни».

Эта позиция не конструктивизм или проективизм, поскольку законы не навязываются материи (природе) извне, а как бы «эксплицируют» ее «зов».

Сами понятия причины, следствия и причинно-следственной связи вторичны, зависят от языка. Они не инкорпорированы в материю изначально, не преддетерминированы. Они формируются в результате своих употреблений, исходя из простейших устоявшихся и повторяющихся образцов употребления, и относятся к «причинной форме жизни».

Вообще «примитивные», то есть простейшие, не обосновываемые, привычные и «инстинктивные» – то, что «мы обычно делаем», не думая, – употребления любого понятия относятся к той или иной форме жизни.

Примитивные высказывания о вещах как *причинах* других вещей – употребления слова «причина», причинные ЯИ – относятся к самому способу обращения с этими вещами, к их определению и определению понятия «причина»: «смысл есть употребление».

«Причины» и причинные связи сами по себе, то есть вне языка, не существуют, не «даны» (вне языка есть просто [неконцептуализированная, не имеющая смысла] реальность). «Причины» – это то, что мы (естественно, спонтанно, то есть обоснованно) называем причинами (Ж. Бенуа говорит, подобно В. Селларсу, о «логическом пространстве», в котором размещаются понятия). («Языковая игра причин, подобно всякой языковой игре, устанавливается, так сказать, через свой успех») [Benoist 2016b].

В базовых, «примитивных» случаях мы *успешно употребляем* концепт причины, *делаем* это *успешно*. Более сложные случаи вырабатываются из базовых. Более сложные (обосновываемые) и новые высказывания со словом «причина» строятся на основе простейших. Обоснование (объяснение) вторично и относится к «теории».

В случае «успешных», аутентичных употреблений слова «причина» речь идет о *реальных (действительно подлинных)* причинах. Не существует никакого более фундаментального анализа этого понятия.

Если положить руку в огонь, возникнет ощущение боли. Говорят, что причиной болевого ощущения (следствие) является огонь. Ссылка на язык («говорят») принципиальна. Как отмечает Бенуа [Benoist 2016b], имеет смысл говорить о «причине» и «следствии» («эфекте») только в рамках соответствующей языковой игры, формы жизни. «Тот факт, что моя рука больше не болит, когда я ее убираю из пламени, *сам по себе* не означает, что это пламя есть “причина” моей боли» [Ibid.]. Вне языка, строго говоря, нет ни «причины», ни «следствия», хотя нельзя сказать, что вообще ничего нет или есть что угодно. Есть реальность.

Животные, испытывающие боль, не владеют языком. Для них нет ни причин, ни следствий. И не имеет смысла говорить о том, что их боль имеет причину, до тех пор, пока не станет возможным *сформулировать*, выразить в языке причинно-следственную связь.

Итак, причины существуют постольку, поскольку существует причинная «форма жизни», концепт причины. Можно сказать, что существование причин есть логический факт. Причем, опять же логически, речь идет о подлинных, реальных и истинных причинах. Сомнение в существовании той или иной конкретной причины может возникать в рамках нового, нестандартного применения концепта причины. В то же время в рамках корректного применения этого концепта, в рамках соответствующей корректной ЯИ, нет сомнения в существовании и природе причины уже в другом смысле, а именно в том, в котором для Витгенштейна достоверны все подлинные ЯИ: в аутентичном действии не возникает сомнений. «Примитивная форма языковой игры достоверность, а не недостоверность, так как недостоверность никогда не привела бы к действию» [Wittgenstein 1993b: 397]. Речь идет не об артикуляции некоторых свойств языка или реальности, а просто об *определении* языка и связи между ним и реальностью.

Форму жизни можно еще назвать «областью устоявшихся применений» правила. Новые применения правила основываются на его устоявшихся применениях. Это расширение соответствующей

«формы жизни». Применительно к причинам, как пишет Бенуа [Benoist 2016b], для того чтобы можно было спрашивать, является ли некоторая вещь, которую мы принимаем за причину чего-то, действительно его причиной, прежде всего следует в большом числе случаев быть твердо уверенным, что некоторые вещи суть причины определенных явлений.

Формы жизни и ЯИ предполагают, таким образом, реальность – материальную, биологическую, социальную, – которая играет для них роль неопределенного «фона» и является источником их возникновения и развития. Реальность как таковая не имеет концептуального измерения. Она не имеет законов, не может быть определена или теоретически изучена (но можно построить теорию того или иного вида реальности). Реальность не зависит от сознания, языка, концептуальных схем. По определению она такова, какая она *есть* [Idem 2011]. ЯИ и формы жизни укоренены в неконцептуализированной реальности. Они реальны в производном смысле. Они суть концептуализированная реальность. Законы, язык, концепты, правила вырабатывает и формулирует, но не в буквальном смысле «открывает» или «создает», человек, исходя из реальности.

Л. Витгенштейн не предлагает позитивного теоретического определения формы жизни как таковой, не объясняет ее и не употребляет это понятие для объяснения других понятий. Мы согласны с Ж. Бенуа [Idem 2014; 2016b], что оно играет проясняющую, терапевтическую роль, а философский подход Витгенштейна, в том числе и к ЯИ и «формам жизни», не теоретический, а дефляционистский, то есть десубстанциализированный.

Лишь конкретные примеры форм жизни, связи этого понятия с другими витгенштейновскими понятиями и внимательное отношение к нашим практикам, к тому, что мы действительно делаем и что для нас важно, позволяют его прояснить.

Понятие формы жизни ориентирует на выработку восприимчивости к тому, что важно и что мы действительно делаем в тех или иных ситуациях [Idem 2016b].

С другой стороны, как было сказано выше, витгенштейновское понятие формы жизни не просто «аналитическое», дефляционистское, а предполагает ответ на вопрос о связи между языком и реальностью, которая устанавливается в результате эволюции ЯИ и

форм жизни. Язык, логика, правила, концепты, интенциональность не абстрактные конструкции, а наполнены живым опытом, укоренены в не зависящей от них реальности. В рамках описательных языковых игр *даны* сами (реальные и естественные) вещи. Поэтому тесно связанный с «терапевтическим» методом и утверждающий не субстанциальные тезисы, а аналитические (логические, «грамматические») истины, витгенштейновский дефляционизм комбинируется, на наш взгляд, с натурализмом и реализмом. Речь идет о «нормативных» и «контекстуалистских», а не «метафизических», натурализме и реализме.

Дефляционизм не редукционизм, хотя так же, как и редукционизм, он противостоит инфляционизму. Л. Витгенштейн не элиминативист и не редукционист. Он не редуцирует формы жизни или ЯИ (действия) натуралистически, «нормативно-натуралистически» или как-то по-другому к иным формам жизни, ЯИ (действиям) или чему-то другому. В частности, Витгенштейн не концептуальный редукционист и не концептуальный элиминативист. Концептуальное измерение ЯИ и форм жизни нередуцируемо.

Например, математические «игры», которые даны в рамках математики как «формы жизни», не редуцируются к другим математическим играм (хотя между ними могут быть установлены связи и эквивалентности) или формальным обозначениям на бумаге.

Витгенштейн также не номиналист (см., например, § 383 «Философских исследований» [Витгенштейн]), несмотря на то что он «учит различиям». ЯИ, относящиеся к одному семейству, имеют (по определению) общее правило. Правила как таковые относятся к категории идеального, но они реальны в смысле своей укорененности в реальности.

Витгенштейн не фундаменталист или же не фундаменталист в традиционном смысле. Форма жизни играет роль фундамента лишь в том смысле, что новая ЯИ рождается в ее рамках как ее расширение, как применение правила. «Характерным для нашего языка является то, что фундамент, из которого он вырастает, состоит из устойчивых форм жизни, регулярных действий» [Wittgenstein 1993b: 396]. Все «регулярные действия» формы жизни сами являются нормированными, а не просто регулярными действиями. Они

не просто часть реальности. Они часть уже концептуализированной реальности.

Следующая метафора также скорее указывает на процессы *построения* и *эволюции* ЯИ, от более простых к более сложным: «Прежде всего должен быть устойчивый твердый строительный камень, а блоки кладутся без обтески друг на друга. *Затем* важным, несомненно, является то, что камень может быть обтесан, что он не *слишком* твердый» [Wittgenstein 1993b: 396].

Как было сказано выше, все подлинные ЯИ «достоверны». Но они различаются по видам и степеням достоверности. «Примитивные реакции», то есть простейшие ЯИ и формы жизни, в очевидном эпистемическом смысле могут быть более достоверными, чем более сложные, которые развиваются, исходя из них.

Итак, и формы жизни, и ЯИ имеют нередуцируемые концептуальное и природное измерения. Формы жизни ни просто те или иные регулярности, ни просто набор формальных правил (правила, нормы укоренены в реальности, опыте). Их природа ни чисто материальная, ни чисто концептуальная.

Не все то, что мы обычно делаем, определяет форму жизни, норму. И даже большинство устоявшихся действий само по себе не определяет их. Для Л. Витгенштейна первичны и определяют норму лишь те действия, регулярности, которые уже подчиняются норме, нормированные действия и регулярности. Даже самые примитивные, «инстинктивные» реакции той или иной формы жизни имеют концептуальную составляющую. Нормы и более сложные нормы вырабатываются не из ненормативного (хотя они в нем укоренены), а из более простых (примитивных) нормативных ЯИ.

В заключение отметим, что философия языковых игр и форм жизни позднего Витгенштейна позволяет скорректировать феноменологию [Benoist 2013; 2016a].

В частности, корректное применение концепта в рамках «явления» – в наших терминах это подлинная ЯИ – есть правильная реалистическая интерпретация гуссерлевского понятия «наполнения» интенции [Idem 2016a].

ЯИ как новое корректное применение правила вступает в противоречие с уже устоявшимися его применениями. Витгенштейн,

как известно, призывает видеть разнообразные техники в употреблении знаков и, в частности, не бояться противоречий.

То есть всякая новая ЯИ имеет свою логику, которая выявляется лишь *post factum*. Первоначально она понимается в рамках старой логики как «противоречивая истина», подлинный парадокс. В радикально новых ЯИ происходит изменение самого исходного правила, языка, «формы жизни».

Странные, противоречивые или даже бессмысленные ЯИ и формы жизни могут быть аутентичными, истинными: ЯИ – в смысле успешного, корректного подчинения правилу, истинности своего обоснования *post factum*, а формы жизни – в смысле неиллюзорности, реальности своих правил.

Будучи практиками, действиями, формы жизни и ЯИ разнообразны по самой своей природе. Это означает плюрализм истин (но, вообще говоря, не плюрализм истины, самого концепта истины). Познание радикально других истин требует понимания других форм жизни, то есть другой реальности, других концептуальных схем и их применений.

Заключение

Справедливо критикуя теоретический и редукционистский подходы к витгенштейновским «формам жизни», Жослин Бенуа утверждает, что им нельзя дать никакого позитивного определения. Мы согласны, что подход Витгенштейна имеет выраженное дефляционистское измерение, а его понятие «форма жизни», так же как и другие его понятия, играет терапевтическую роль. На наш взгляд, однако, эта роль не является у него исключительной. Мы предложили минимальное «позитивное» определение формы жизни как понятия, эквивалентного понятию витгенштейновского правила, то есть правила, укорененного в реальности. Форму жизни можно также определить как семейство устоявшихся подобных (в смысле семейного сходства) языковых игр, подчиняющихся одному и тому же правилу. Семейное сходство есть (в общем случае) имплицитное правило. Мы утверждаем, что витгенштейновский дефляционизм комбинируется с «нормативными» и умеренно «контекстуалистскими» (не метафизическими) натурализмом и реализмом.

Литература

Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/vitgenshteyn_lyudvig/filosofskie_issledovaniya.html#0 (дата обращения: 15.12.2017).

Королькова А. А. Языковая игра как форма жизни в произведениях Витгенштейна // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 1/5. С. 171–175.

Марков Б. В. Л. Витгенштейн: язык – это «форма жизни» // История философии, культура и мировоззрение: сб. статей к 60-летию профессора А. С. Колесникова. Серия «Мыслители». Вып. 3. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 85–102.

Прись И. Е. Витгенштейн о знании, достоверности и «осевых предложениях». Б. м. : Lambert, 2017.

Ayer A. J. The Criterion of Truth // *Analysis*. 1935. No. 3. Pp. 28–32.

Benoist J. Concepts. Introduction à l'analyse. Paris : Cerf, 2010.

Benoist J. Éléments de Philosophie Réaliste. Réflexions sur ce que l'on a. Paris : Vrin, 2011.

Benoist J. Le bruit du sensible. Paris : Cerf, 2013.

Benoist J. 'The Given' without the Myth (Forms of Life) // Conference «Language, Normativity, and Forms of Life». Humboldt-Universität zu Berlin, 23 May. Berlin, 2014.

Benoist J. Logique du phenomene. Paris : Hermann, 2016a.

Benoist J. Our Life with Truth // Conference «The Form of Our Life with Language». Ludwig Maximilian Universität Munich, 23–25 May. Munich, 2016b.

Benoist J. L'adresse du réel. Paris : Vrin, 2017.

Horwich P. Wittgenstein on Truth // *Argumenta*. 2016. 2. Pp. 95–105.

Millikan R. In Defense of Proper Functions // *Philosophy of Science*. 1989. Vol. 56. Pp. 288–302.

Russell B. The Limits of Empiricism // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1935–1936. Pp. 131–150.

Wittgenstein L. *Remarks on the Foundations of Mathematics*. 3rd ed. Oxford : Basil Blackwell, 1978.

Wittgenstein L. Remarks on the Philosophy of Psychology. Vol. I. Oxford : Basil Blackwell, 1990.

Wittgenstein L. Ursache und Wirkung: Intuitives Erfassen / L. Wittgenstein // Philosophical Occasions, 1912–1951 / ed. by J. C. Klagge, A. Nordmann. Hackett Publishing Company, 1993a. Pp. 370–405.

Wittgenstein L. Philosophical Occasions / ed. by J. C. Klagge, A. Nordmann. Hackett Publishing Company, 1993b.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Blackwell, 2001.